

„Бубны козыри“.

Это я о выставкѣ картинъ общества художниковъ „Бубнового вазета“.

У этихъ козыри — бубны. Притомъ, пѣз жей бубновой масти на лицо одинъ только „валетъ бубновый“.

Барта, какъ видите, невзлюбивая, съ которой нельзя выиграть никакой игры.

Но это для насъ съ вами. А вотъ бубновые художники, — подите-же, — серьезно увѣрены и увѣряютъ другихъ, что однимъ своимъ „бубновымъ валетомъ“ они завоюютъ весь миръ.

Эта вѣра въ себя, если хотите, даже трогательна, но сколько она неурезна, разумеется.

А художники „Бубнового вазета“, хоту нѣтъ вѣрить, прежде всего искренни.

Вотъ когда я былъ на ихъ выставкѣ съ одной своей знакомой барыней, послѣдняя, перепутавъ номера въ помѣтномъ каталогѣ, признала „Пейзажъ въ Монотон“ художника Фалла за картину Валеріана Пожарника.

„Черепъ на фонѣ съ золотымъ узором“.

И въ этомъ нѣтъ ничего свѣржательнаго.

Попробуйте, ради опыта, ходить по выставкѣ „Бубнового вазета“ безъ каталога, и если вы догадаетесь хотя-бы приближительно, что представляетъ собою любая изъ экспонируемыхъ картинъ, отвѣчаю вамъ своей многогрешной головою.

Впрочемъ, не позагайтесь особенно и на каталогъ, гдѣ ясно обозначено:

„Се левъ, а не собака“.

Потому, въ действительности предъ вами не левъ и не собака, а нѣчто куда болѣе простое и, какъ думаютъ сами экспоненты, доступное вашему пониманію.

Напримѣръ: „Зрительное равновѣсіе при координатахъ А и В“.

Несмысленно? Экий-же вы, простите меня, тупоголовый!

Вотъ, смотрите сюда, ладѣю. Это — координаты А.

А вотъ тутъ, направо, видите? Это — координаты В.

Турокъ? Какой турокъ? Да вы не туда смотрите, притомъ-же, то, что вы приняли за „турка“, въ действительности — „пейзажъ съ пристанью“.

Нѣтъ, сюда глядите. Ну, вотъ. Это и есть координаты В.

Все-же, вмѣстѣ взятое... Ахъ, да! Вѣдь я и забылъ предупредить васъ, что на выставкѣ „Бубнового вазета“ нельзя прогуливаться съ обыкновеннымъ мношествомъ.

Прежде всего выбросьте вы изъ нашего жеманна такіе вычурные и замысловатые термны, какъ:

„Море“, „Лѣсъ“, „солнце“, „луня“.

Эта „китайщина“ давно отжила свой вѣкъ.

Выражайтесь проще и удобопонятнѣе, какъ это дѣлалотъ братья В. Д. Бурлюки и Д. Д. Бурлюки:

„Мотивъ слода при квадратномъ соотношеніи“.

„Лѣностороннее движенье сѣтловыхъ массъ и красочный сѣтъ“.

„Стѣна — протѣкающая раскраска, лейт-мивній, частичная запознстая поверхность“.

Или, вотъ, — чего ужъ проще:

„Казакъ“. Изображеніе съ пяти точекъ зрѣнія, запознстая поверхность, зрительные элементы ибѣя.

Да вотъ, катана, и самій этотъ „казакъ“.

Д. Д. Бурлюка:

„Прому любить и жаловать“.

И правда, это не тотъ казакъ, который „на свѣрѣ держитъ путь“, нѣтъ.

Этотъ казакъ, послѣ того какъ явныи попутаютъ жѣзъ раскрасочныхъ дѣтей, преспойно отправится въ сумасшедшій домъ, но вѣдь мы говоримъ не о казакѣ, а о названіи картинъ, простомъ до-вольна „Пять точекъ зрѣнія... запознстая поверхность... зрительные элементы ибѣя“.

Точно такимъ-же языкомъ говорятъ фразероватый лажей, собирающійся покорить сердце сосѣдской горничной, востроносой Душашки:

„Одеколозъ моей души и крющонъ моего сердца! Вы, какъ нѣкій граммофонъ братьевъ Шата, олъбили двухстороннюю пластинку моихъ чувствѣи и разбили мое сердце на двѣнадцать кувертовъ съ жѣдой и закуской“.

Сынзойдите-же къ прѣсь-журвату напечатковъ и будьте жѣмъ лангетъ съезъ лжанъ въ уголовномъ кабинетѣ съ мауританской олъдѣкой“.

Красиво, чертъ возьми!

Нѣтъ, вы ужъ взгляните притомъ-же въ этого „Казакъ“, изображеннаго на „запознстой поверхности съ пяти точекъ зрѣнія“, — онъ стоитъ того.

А, впрочемъ, погодите. Сейчасъ я предложу вашему вниманію достойный рендшъ — „второй ладантъ“, какъ говорятъ Шуклинъ, Ликовъ Васильевичъ.

Вотъ:

„Аллегорическая композиція для охоты“. Художника Фоколье.

Винювачи, ошибки. Это вовсе:

„Голова робенка“ — того-же художника.

Прому повѣрить, что я не шушу. Возьмите иллюстрированный каталогъ и вы убѣдитесь.

Вы спросите: шо гдѣ-же на этой картинѣ

хоть приближательный намекъ на то, что оправдывало-бы ее названіе?

Почему это „диспозиція для охоты“ или „голова робенка“?

Почему это не „Смерть Богдана Хмельницкаго“ или-же „Ваза съ георгинками“?

Почему да почему... А почему, какъ говорится въ армянской загадкѣ:

„Ны жемитъ, а сыдытъ, ны животъ, а болытъ, выкто ему ны выдытъ, только ему кунать надо, — что будытъ?“

— А что?

— Арбузъ будытъ.

— Почему?

— Ны знаю, почему. Такъ Хачатуръ и Арагелъ говорятъ.

Вотъ такъ и на выставкѣ „Бубнового вазета“: хотите — вѣрите, не хотите — какъ хотите.

Я вотъ удѣлилъ этой — очередной выставкѣ исключительное вниманіе, заласа въсѣми; жмѣюдемиса на-лицо брошюрами, конспектами, выказалъ въ объясненія, которые онѣ любезно давалъ случайно находившіеся на выставкѣ художники — „бубновалетовцы“, все напрасно.

И правда, я отдѣлался счастливейше, нежели бывшая со мной на выставкѣ, въ день ее открытія, барыня.

Послѣднюю, по ее словамъ, двѣ ночи я думалъ она еще долго „бурикала“, не понимая, что ей говорили окружающіе.

Нѣтъ, я лично заплатилъ только головной болѣю, которая, впрочемъ, къ вечеру уже и прошла, такъ что на слѣдующій день я уже опять былъ въ гостяхъ у „Бубновыхъ вазетовъ“.

И вотъ тутъ-то одинъ изъ наиболее выдѣлхъ экспонентовъ и объяснилъ мнѣ „сегодѣ“, свое и своихъ единомышленниковъ.

Видите-ли, оказывается, картинъ художниковъ „Бубнового вазета“ прежде всего — плавизмы.

„Не „Старикъ“ и не „Портретъ госпожи N.“, а „Анализъ старика“, „Анализъ госпожи N.“

И правда, тутъ ужъ пахнетъ „лѣчобенной“ приходщицѣй, но не увѣривши художниковъ „Бубнового вазета“, они сильны именно втѣи анализа.

Вотъ въ петербургскомъ „Эрмитажѣ“ находится одно изъ знаменитѣйшихъ произведеній Рембрандта — „Старикъ въ ерможѣ и съ краснымъ жилетомъ“.

А художники „Бубнового вазета“ кланутся, что это — грубая мазя.

Ну, старикъ. Ну, какъ живой. Ну, зяцо, отражающее, быть-можетъ, цѣлую эпоху.

Но, вѣдь, и только. А вотъ какой-нибудь, простите за выраженіе, Бурлюкъ, тотъ самый, который увѣряетъ, что, напримѣръ, Римину нѣсто не въ национальныхъ музеяхъ искусства, а въ лучшемъ случаѣ, въ конфектныхъ этикетахъ, такъ вотъ, Бурлюкъ, говорю я, изобразилъ-бы „Старика“:

во-первыхъ — съ пяти точекъ зрѣнія.

во-вторыхъ — на запознстой поверхности.

и въ третѣихъ — подѣ зрительными элементами ибѣя.

Пусть при видѣ такого „Анализа старика“ вы — зритель начнете даво вращать орѣнками и жемать кого-нибудь, кого-бы можно было укусить за язь, — все равно:

Зато Бурлюкъ не унимается до Рембрандта, этого „рѣба природы“, — онѣ, Бурлюкъ, и всѣ прочіе Бурлюки — цари вселенной.

И отсюда, ихъ „Старикъ“ — бурлюковскій — совсѣмъ особенный.

Начать съ того, что это не „Старикъ“, а только его составная часть.

Бурлюки даютъ прежде всего формулу „Старика“.

Вотъ, не угодно-ли:

Вы слыте такъ не понимаете, что сіе должно изображать.

Можетъ, это — „Диспозиція при давленіи вселеной“, а можетъ — „Аллегорическое изображеніе Отечественной войны“, какъ Артистархъ Лентуловъ назвалъ груду стульевъ, отдаваемыхъ на прокатъ подѣ стадыбы.

Но, позвольте узнать, съ какой стороны эта велосипедная масса — „Старикъ“?

Да говорятъ-же вамъ, это — только формула старика.

Тѣ составныя части, изъ которыхъ складается вселеній горомій старикъ.

Тутъ и катарръ желудка, и золулая почечка, и расширеніе желчечника, и подыгра (нагѣю — въ углу картины), и огромный процентъ сахара (направо — сверху), и жеврактія, и вычный камень на зубахъ, и катаррактъ глаза, и — даже — обязательный въ самомъ недалекомъ будущемъ апендицитъ.

Ну, затѣмъ, жизнь этого старика и вообще была не изъ веселыхъ.

Его судили за расстрѣлу и хотѣ оправдали, но мѣсѣй процесса старикъ сталъ заговаривать. Въ это-же время у него умерла любимая собака, а скорѣй старикъ сломалъ долговзную чашку правой ноги, споткнувшись на осконзлой панеліи.

Кромѣ того, этотъ старикъ — алгебраикъ и запознтый картежникъ.

А однажды его даже уличили въ нечестной ятрь и исключили изъ клуба.

И вотъ, въ то время, когда старикъ, несчастный и опозоренный, возвращался домой, на него налетѣлъ рослопный автомобиль, сильно его помявший.

Вотъ видите все это и скажите, могъ-ли художники „Бубнового вазета“ изобразить своего старика инымъ?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Бурлюки говорятъ:

— Всякіе тамъ Рѣнины, Сѣровы и прочее, тому подобно, видятъ, скажемъ, „Госпожоу X.“ и пишутъ съ нея портретъ.

Но какъ она изображаютъ ее на портретѣ, — всегда такой, какова эта окая госпожа X. въ действительности.

Жерече, такой, какая она есть.

А мы изображаемъ „госпожоу X.“ такой, какою она должна быть.

Потому для насъ важна не госпожа X., а ея составныя части:

Важнѣйшія порѣбны кухарки, осоры съ мѣсникомъ, ведаоудѣбныя съ портняжой, прѣстооящія перахѣна квартиры.

Буряны сцены мужу, открыто живущему съ гувернанткой, золотушный младшій ребенокъ, выгнаанный изъ гимназіи старшій сынъ, наконецъ, флиртъ самой госпожи X. съ ренетиторомъ.

Прибавьте къ этому обиліе въ квартирѣ крысъ и пѣяныхъ полотеровъ, разбиившихъ въ гостинной дорожку вазу...

Настроимъ-те всѣ эти моменты на положно и получите настоящую „Госпожоу X.“

Вотъ, примѣрно сказать, „Натурщица“ М. И. Михѣва.

Ито-же не понимаете, что натурщица

должна жмѣть хотя-бы подобіе человѣческое, не говоря уже о безупречности ея формъ?

А г. Михѣва взялъ пациентку изъ морозовской клиники раковыхъ болѣзней, да еще выпросилъ у директора клиники В. М. Зыкова самую безнадѣжную.

Вотъ вы и поспорьте съ нимъ! По вашему, это одинъ зеленый ушасъ, а по теоріи „бубновыхъ вазетовъ“ — красавица, жоторой нѣтъ рмшюй въ природѣ.

Но почему? Да вѣдь сказано вамъ, что это — только анализъ натурщицы, ну, формула ея, что-ли.

Вѣдь вотъ спросите у меня, скажемъ, въ три часа пополудни:

— Вторый часъ?

Я вамъ отвѣчу кратко и помѣтно:

— Три.

А Бурлюки въ такихъ случаяхъ говорятъ:

— Если вы занимались исторіей, то, конечно, жмѣете представленіе о Троянской войнѣ.

Престарѣлый царь Приамъ, его сыновья Гекторъ, Парисъ, судившій богами и предподвѣсшій злобоу Веверѣ, за что послѣдняя обѣщала ему любовь Елены Смартанской.

Вотъ, доложу вамъ, была женщина, — обѣщаніе!

Такъ вотъ, вспомните, сколько лѣтъ продолжалась эта Троянская война — ровно десять.

Теперь перенеситесь въ другую эпоху: война Семилѣтняя.

Ну, здѣсь ужъ ярчѣи лица. Попробуйте-же вычестъ изъ Троянской войны войну Семилѣтнюю, да прибавьте къ этому брошюной тифъ и зданіе каменъ въ Остенде.

Затѣмъ, отбросьте и казѣю, и брюшную тифъ и вспомните, что Троянская война длилась тремя годами дольше Семилѣтней.

Что у васъ получится: три.

Стало-бытъ, сейчасъ ровно три часа.

Вотъ такимъ путемъ „разложеніа“ художникъ Фибигъ имъ Парижъ и дошелъ до своего „моста въ Парижѣ“, который я и предлагаю вашему благосклонному лянманію.

Вотъ:

Это — „Мостъ въ Парижѣ“.

Не запята на бровяхъ и не кусокъ лѣтеннаго запѣта, а именно „мостъ“ да еще „въ Парижѣ“.

Милостивно государи, вы, конечно, понимаете, что такыя мостовы нѣтъ ни въ Парижѣ, ни въ Бердичевѣ, потому, это прежде всего не мостъ.

Предпожогите, я-бы спросилъ у топо-же художника Фибига:

— Фибифанфлуванпердекискожосипитохро-мекрено... Что это такое?

— ???

— Очень просто. Это стаканъ чаю.

Клануны, художникъ-бы жмѣвъ возразилъ:

— Вы, сударь, жмѣо идѣотъ, жмѣо прижмѣдывается жѣдѣотъ.

И жмѣвъ былъ-бы только правъ. И тотъ-же

Фибигъ осмѣливается преподнести намъ продуктъ своего разгоряченнаго мозга, бесахелляционно заявляя:

— Это — „мостъ въ Парижѣ“.

И вся остальная шайка жарочито жрод-ствующихъ „бубновыхъ вазетовъ“ развязно подѣтверждаетъ:

— Воистину такъ! Это именно „мостъ въ Парижѣ“!

Я понимаю художника Татмина, который выставилъ такой „Портретъ художника“, очевидно, свой.

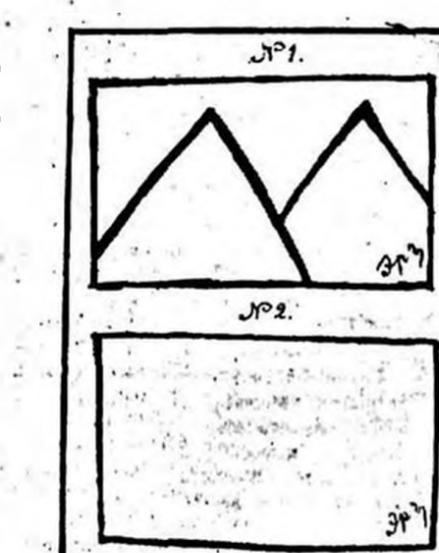
Художникъ изъ общества „Бубнового вазета“, по жому, долженъ выглядѣть именно такимъ.

Господа, не смѣйте: незначѣтъ добывать лежачаю.

Скажу еще, что, побывавъ на выставкѣ два дня жраду, я и самъ зарылся бредовыми идеями несчастныхъ „бубновыхъ“ слѣдцовъ.

И вотъ, для пробы, первое произведеніе жмой „бубновой“ жмасти.

Обратите вниманіе на глубину сюжета.

Верхній рисунокъ — № 1 изображаетъ:

„Видъ на пирамиды со стороны пустыни“.

А нижній — № 2:

„Видъ на пустыню съ высоты пирамиды“.

Жартинъ эти, составленныя мою собственностью, продаются. Причемъ, всю выручку отъ продажъ ихъ и жемину на сооруженіе койки при Преображенской больницѣ.

Дѣи нуждующихся членовъ общества „Буб-новый вазетъ“, разумеется.

Эрь.